

31. Абаляхин Б.С. Тайны Бородинской битвы // Российский исторический журнал. 1994. № 1. С. 14 – 27.

32. Абаляхин Б.С. Украинское ополчение 1812 г. // Исторические записки. М., 1962. Т. 72. С. 87 – 118.

33. Абаляхин Б.С. Участие населения в Отечественной войне 1812 г. (документы и комментарии) // Хрестоматия по истории родного края / под общ. ред. И.С. Шепелева. Волгоград, 1970. С. 89 – 92.

34. Абаляхин Б.С. 1812 год: актуальные проблемы истории / предисл. проф. В.Г. Сироткина. Элиста, 2000.

35. Абаляхин Б.С. Історіографія українського ополчення Вітчизняної війни 1812 р. // Укр. іст. журн. 1962. № 5.

36. Абаляхин Б.С. М.І. Кутузов і Україна // Там же. 1970. № 9. С. 122 – 127.

37. Абаляхин Б.С. Український народ у Вітчизняній війні 1812 р. Київ, 1962.

38. Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. К. Маркс и Ф. Энгельс – историки войны 1812 года // Вопр. истории. 1987. № 9. С. 3 – 19.

39. Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. Новое в изучении Отечественной войны 1812 г. М., 1983.

40. Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. Отечественная война 1812 г. и Литва (вопросы историографии и источниковедения) // Материалы Межреспубликанской научной конференции по источниковедению и историографии народов Прибалтийских республик Союза ССР: Историография. Вильнюс, 1978. С. 56 – 64.

41. Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. Отечественная война 1812 г. и освободительная миссия русской армии: итоги и перспективы исследования // История и историки: историографический ежегодник. 1974 год. М., 1976. С. 105 – 147.

42. Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. Пусть судит читатель... Авторы книги о войне 1812 года не согласны с оценками рецензента // Отеч. история. 1992. № 6. С. 188 – 193.

43. Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков. 1917 – 1987. М., 1990.

44. Вероломство по плану. Чья победа? Лица или маски? (полемика за круглым столом) // Родина. 1992. № 6 – 7. С. 36 – 39, 72 – 75, 133 – 137.

45. Отечественная война 1812 года : энцикл. М., 2004.

46. «Отпустил я вечно на волю...» : [предисловие В.Г. Сироткина] // Нов. мир. 1987. № 8. С. 222 – 225.

47. [Рецензия] / Малышкин С.А., Орлов А.А. // Вопр. истории. 2001. № 11 – 12. С. 165 – 168. Рец. на кн. : Б.С. Абаляхин. 1812 год: актуальные проблемы истории. Элиста, 2001.

48. [Рецензия] / Троицкий Н.А. // Отеч. история. 1992. № 2. С. 195 – 198. Рец. на кн. : Б.С. Абаляхин, В.А. Дунаевский. 1812 год на перекрестках мнений советских историков. 1917–1987. М., 1990.

49. Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года. История темы. Саратов, 1991.

50. Энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2008.

The Patriotic War of the 1812 in the works by B.S. Abalikhin

There is analyzed the contribution to the study of history of the Patriotic War of the 1812 by Professor B.S. Abalikhin, who introduced into the scientific knowledge many historical sources, developed a number of issues of the 1812 War history (the role of the Ukraine, strategic planning, press and agitation work of the oppositions and others).

Key words: *the Patriotic War of the 1812, historiography, discussion issues.*

200-летию
Отечественной войны 1812 г.
посвящается

С.В. СОЛОВЬЕВА
(Волгоград)

ДЕЙСТВИЯ КОРПУСА АТАМАНА М. ПЛАТОВА В ИЮНЕ – ИЮЛЕ 1812 Г.*

Характеризуются действия летучего корпуса атамана М. Платова в начальный период войны. С опорой на источники доказано, что действия войскового атамана соответствовали приказам военного командования и оперативной обстановке.

Ключевые слова: *войсковой атаман, донские полки, иррегулярные войска, авангард, арьергард, казачий корпус.*

Отечественная война 1812 г. занимает особое место в истории как России, так и донского казачества. Это объясняется тем, что она была национально-освободительной. Все народы России поднялись на борьбу с врагом. Внесло

* Работа выполнена в рамках реализации государственного задания Минобрнауки РФ высшим учебным заведениям на 2012 г. № 6.4995.2011 «Региональные традиции охраны культурного наследия: на материалах Волгоградской области».

свой вклад в разгром наполеоновской армии и донское казачество, принимавшее участие в войне в различных формах. Донские полки сражались в составе трех русских армий, участвовали в партизанской войне; на Дону было сформировано народное ополчение, население Земли Войска Донского собрало значительные денежные пожертвования, лошадей, скот для русской армии. Ни в одну из войн дореволюционной России донские казаки не проявили столь массового и беспримерного героизма, как в Отечественную войну 1812 г.

Вопрос о действиях атамана М. Платова в начале Отечественной войны 1812 г. относится к числу дискуссионных. Быстро меняющаяся оперативная обстановка, изменения в подчиненности корпуса, сложность отношений между командующими 1-й и 2-й западными армиями приводили порой к необоснованным обвинениям атамана в несвоевременном выполнении распоряжений командующих. Относящийся к составу 1-й западной армии летучий казачий корпус М. Платова в силу сложившейся оперативной обстановки в начале войны вынужден был действовать совместно со 2-й западной армией. Документы позволяют этот период условно разделить на 4 этапа, когда задачи и подчиненность корпуса изменялись: 12 июня – 22 июня; 22 июня – 25 июня; 25 июня – 4 июля; 4 июля – 17 июля.

Накануне войны 1812 г. казацкие полки были распределены для охраны западной границы в соответствии с «Положением об устройстве военной стражи на границах западных губерний» и распределением казачьих полков по участкам границы [6, с. 508]. Пограничную службу выполняли донские полки, входившие в состав 1-й и 2-й западных армий. Широко использовались казачьи полки, дислоцированные на границе, и для ведения антифранцузской пропаганды.

1 июня 1812 г. атаман М. Платов получил два предписания военного министра. Первое – о подчинении ему всех пограничных иррегулярных войск, второе – «о задачах казачьих войск в связи с подготовкой вторжения Наполеоновской армии в Россию» [1, с. 27–28]. Анализ второго документа позволяет четко обозначить основные задачи, возлагавшиеся на донские полки перед войной. Это, во-первых, ведение активной разведывательной деятельности, обеспечение спокойствия на границе, во-вторых, строгий контроль, а при необходимости и организация вывоза казенных денег, имущества, продовольственных запасов, госпиталей из приграничных городов. В случае

же начала военных действий следовало беспокоить неприятеля «денно и ночью, действовать в тыл и фланги; стараться овладеть его транспортами, препятствовать фуражированию и перевозке грузов, сжигать мосты, магазины, всевозможные запасы, слабого неприятеля бить, а сильного беспокоить всеми средствами». М. Барклай де Толли предписывал М. Платову «в случае вторжения неприятеля в наши границы стараться взять в левый фланг его; а в то же время князь П. Багратион своими иррегулярными войсками стараться будет взять в правый фланг неприятельский. Сим неожиданным во фланг нападением можете его расстроить и принудить к отступлению» [1, с. 26]. На основе полученных данных о концентрации французских сил против среднего течения р. Неман М. Барклай де Толли принял решение еще более сосредоточить наши силы и перевести казачий корпус М. Платова из Белостока в Гродно.

Следует отметить качественный состав донских полков, их боевой настрой. Осматривая в начале мая 1812 г. донские полки, входившие в состав 2-й западной армии, князь П. Багратион в приказе по армии отмечал, «что сии полки доведены до наилучшей исправности» [4, с. 67].

Таким образом, продумывая планы предстоящей кампании, русское командование определяло в них место и донским полкам. Организовав пограничную стражу из донских казаков, М. Барклай де Толли тем самым решил ряд существенных задач: усилил контроль за передвижениями через границу, обеспечил получение своевременных разведывательных данных о неприятеле. Приближением донских полков к театру военных действий русское командование предполагало ослабить силу первого удара французской армии.

В ночь на 12 июня французские войска вторглись в пределы России. Первыми их встретил лейб-гвардии казачий разъезд штаб-ротмистра Рубашкина. Боевой календарь-ежедневник, опубликованный в трудах Московского отдела императорского русского военно-исторического общества, позволяет установить, что донские казаки, находившиеся при разных армиях и корпусах, буквально с первых часов войны и практически каждый день принимали участие в стычках и сражениях с французскими разъездами, с кавалерией Наполеона. Известие о переправе неприятеля через Неман близ Ковно было получено М. Платовым 14 июня [1, с. 43]. Он в это время находился в Гродно и принимал все необходи-

мые меры к скорейшему вывозу из города запасов хлеба, лазарета, главной аптеки.

Согласно первоначальному плану, атаман со своим корпусом должен был пойти «неприятелю во фланг и тыл», а князь П. Багратион – подкреплять его, обеспечивая тыл казачьего корпуса [1, с. 43]. Приказ «идти во фланг и тыл неприятеля» не отличался конкретностью, к тому же налицо уже было изменение расположения наступающего неприятеля. Это крайне затрудняло выполнение задачи, П. Багратион же считал ее при сложившихся обстоятельствах невыполнимой, поэтому вместе с М. Платовым приложил все усилия к соединению с 1-й западной армией. Эвакуировав из Гродно материальные ценности (последние подводы отправлялись уже при начавшейся перестрелке), а также уничтожив мост через р. Неман, 16 июня корпус М. Платова покинул город. Как и было приказано, он взял направление на Щучин и Лиду, продвигаясь, вел арьергардные бои с авангардом войск вестфальского короля. Для разведывательной деятельности был определен казачий отряд в составе 100 человек. Император Александр I ко всем корпусным начальникам послал своих флигель-адъютантов с предписаниями о направлении движения.

После стратегического развертывания сил начались активные боевые действия левого крыла французской армии, правое же крыло практически топталось на месте. Следует заметить, что благодаря удаленности, а затем медленности и пассивности правого крыла французской армии русским войскам невольно было дано время для исправления ошибок в расположении частей на западной границе. Однако оно было исправлено лишь отчасти, и русским войскам пришлось начать военные действия растянутыми вдоль границы армиями. К тому же серьезные проблемы в организации высшего управления армиями особенно сказывались на наиболее удаленных начальниках – М. Платове и П. Багратионе. Это выражалось в недостаточной ориентированности их в общих политических условиях, в неясности и неопределенности целей их действий. Этими причинами отчасти можно объяснить и недостаточную активную оборону М. Платовым города Гродно, имевшего численное превосходство над противником (5 тыс. чел. при 12 орудиях против 3 тыс. 725 чел. при двух орудиях) [3, с. 109].

Прибыв в ночь 20 июня в Лиду, атаман застал там характерный «тыловой» беспорядок. Помимо транспортов в городе оставался еще

госпиталь со 134 больными нижними чинами, большие запасы сапожного товара, сукна, провианта и фуража. С большим трудом М. Платову удалось собрать в течение ночи подводы и отправить госпиталь и больных. Запасы же продовольствия и фуража были частично розданы в полки корпуса, а частью сожжены.

Казачьи разъезды обнаружили появление войск маршала Даву в направлении на Ошмяны, поэтому М. Платов принял решение выступить из Лиды на Ольшаны. По пути следования в м. Вороново и Вишнево произошли стычки с неприятелем, причем генерал Э. Груши доносил, что казаки «кишат» вокруг него. После этих стычек у донцов появились первые пленные и трофеи.

В это время М. Платов получил два важных предписания: распоряжение императора Александра I, доставленное полковником Шпербергом, и отношение П. Багратиона от 22 июня, согласно которым казачий корпус М. Платова должен был «составлять авангард всей армии (2-й западной. – С.С.) и открывать неприятеля» [1, с. 70]. Однако официально атаман не был подчинен П. Багратиону, и последний не мог ему приказывать, а должен был лишь стремиться к соглашению. Это двойственное положение порождало определенные трудности. Нужно было приложить особое усилие, чтобы убедить привыкшего к самостоятельности войскового атамана в целесообразности принимаемого решения. К тому же постоянные напоминания о регулярной доставке сведений как самим М. Платовым, так и командирами донских полков главнокомандующему 2-й армией осложняли и без того их непростые отношения.

За неисполнение М. Платовым в силу объективных причин указания П. Багратиона, по которому следовало соединиться с отрядом И. Дорохова (24 июня) и двигаться на Воложин, командующий 2-й западной армией высказал М. Платову свое недовольство в письме: «...Мне остается теперь только просить вас, <...> чтобы вы из усердия к службе государя императора и любви к Отечеству, поддержали Дорохова, дав ему способы соединиться с вами. Стремление ваше соединиться с 1-ю армией я отлично уважаю. В.в. можете быть удостоверены, что и я побуждаюсь равными чувствами вашим и что все предложения, вами деланные, основаны были на одном и том же желании, чтобы без потери времени и того более людей соединиться с 1-ю армией; но если ли смею сказать, то бывши в положении вашем, я бы не оставил Дорохова» [1, с. 81].

Между тем атаман, получив упрек П. Багратиона, почувствовал себя обиженным и, не будучи формально подчинен ему, прислал оправдательный ответ. Особенно обидным показался самолюбивому и привыкшему к самостоятельности М. Платову призыв П. Багратиона к усердию в службе и любви к Отечеству. «Не ожидал я от вашего сиятельства таких для меня неприятностей», – писал он и далее просил «приказать письмоводителю, чтобы он не писал таких колких и выговорных речей...» [3, с. 448].

Таким образом, в ответственный и важный момент, когда успешность отступления в значительной степени определялась согласованностью действий, отношения между М. Платовым и П. Багратионом угрожали испортиться и осложнить и без того трудное положение. Однако командующий 2-й армией ясно осознавал необходимость поддержки его казачьим корпусом и поэтому поспешил уладить возникшее недоразумение, написав атаману, «что нету на свете человека, который мог меня с вами поссорить» и что прекрасно знает достоинства М. Платова.

25- июня П. Багратион получил записку императора, доставленную флигель-адъютантом А. Бенкендорфом. В ней Александр I сообщал, что «Багратион должен считать генерала Платова состоящим под своею командою». Это внесло необходимую определенность в отношения двух военачальников и официальное подчинение казачьего корпуса командующему 2-й западной армией. По плану П. Багратиона казачий корпус должен был сначала исполнить роль бокового авангарда армии, а затем, с началом отступления на Слуцк, служить ей арьергардом.

Документальные материалы дают возможность проследить, что в течение этого времени, т.е. с 20 по 26 июня, донские казаки принимали участие в постоянных стычках и перестрелках по всему фронту наступающего неприятеля. Следуя полученному маршруту, М. Платов двинулся на м. Мир, но, не доходя 3 версты до него, остановился с целью сосредоточения казачьего корпуса. Здесь он получил приказание П. Багратиона удерживать м. Мир и лишь в случае значительного превосходства противника отойти на Несвиж. Выполнение этой задачи привело к кавалерийским боям при Мире. 27 июня состоялось первое сражение у м. Мир с бригадой польского генерала Турно. Поляки потерпели серьезное поражение.

На следующий день, уже позади м. Мир, произошло еще более кровопролитное сраже-

ние. Представляют интерес донесения М. Платова и Рожнецкого, посланные сразу же после окончания дела. Они кратки, отрывочны и написаны под впечатлением только что пережитых событий. Донесение атамана дышит радостью одержанного успеха, Рожнецкий старается скрыть размеры нанесенного поражения. Оба свидетельствуют об упорстве дела, своем крайнем утомлении. М. Платов поздравляет П. Багратиона с «редкой победой» над кавалерией; Рожнецкий сознается, что он еще не видел такого кавалерийского дела. 2 июля состоялось сражение у м. Романово, в котором поляки вновь потерпели поражение.

Победы при м. Мире и Романово имели большое значение как в военном, так и в моральном отношении. Они приостановили наступление правого крыла французской армии и способствовали относительно спокойному движению 2-й западной армии на соединение с армией М. Барклая де Толли.

4 июля на ночлеге в м. Уречье донской атаман получил чрезвычайно важное предписание М. Барклая де Толли, датированное 2 июля. Ему необходимо было оставить во 2-й западной армии только 8 казачьих полков, а с остальными двинуться форсированным маршем на соединение с 1-й армией через Могилев и Витебск к Дриссе, в случае занятия французами Витебска – на Смоленск [5, с. 132]. Соответствующее указание получил и П. Багратион. Это, несомненно, осложняло положение 2-й западной армии, поэтому на рапорт М. Платова от 5 июля П. Багратион запиской (не предписанием) сообщил атаману, что движение на соединение с 1-й армией будет возможно только по достижении им Бобруйска. А до этого он просил его оставаться в арьергарде армии. Получив эту записку, противоречащую распоряжению военного министра, 5 июля М. Платов вторично в письме к П. Багратиону просит: «...войдите в мои обстоятельства... Ежели ваше сиятельство находит, что я с казачьим корпусом нужны до Бобруйска прикрывать армию вашу, оправдайте ж меня перед государем и дайте мне повеление ваше, чтобы я не был виновен за неисполнение мне повеленного о соединении с 1-ю армией» [1, с. 123]. И далее он добавляет, что в настоящее время за 2-й армией нет вблизи большого числа неприятеля, а передовые части могли бы удерживать 2 казачьих полка с подкреплением регулярной кавалерией.

5 июля атаман вновь получил предписание М. Барклая де Толли, в котором писал, что «ныне предстоит собственно в вас и храбром вашем корпусе еще большая надобность...

1-я армия с нетерпением ожидает появления храброго вашего войска» [1, с. 124]. Он сообщил М. Платову об отправке в его корпус оберквартирмейстером полковника Чуйкевича, который должен был кратчайшим путем привести его к соединению с 1-й армией.

6 июля П. Багратион отправил атаману очень сухое предписание о том, что следование М. Платова через Бобруйск согласовано с императором. 8 июля казачий генерал получил маршрут следования и пожелание делать не менее 50 верст в каждый переход.

Следует отметить, что двигаясь форсированным маршем, атаман постоянно посылал небольшие группы казаков для ведения разведки. Вечером 10 июля корпус М. Платова прибыл к Старому Быхову, где предполагал на следующий день переправиться через Днепр и двинуться левым берегом к Могилеву, где, как сообщал прибывший к корпусу полковник Чуйкевич, 12 июля «содействовать вытеснению неприятеля из города», а затем двинуться на соединение с 1-й армией [3, с. 333].

12 июля военный министр в предписании М. Платову заметил: «...от быстроты соединения вашего зависит спокойствие сердца России и наступательные на врага действия» [1, с. 130]. 14 июля Барклай де Толли вновь обратился к атаману: «...в армии моей однако ж недостает храброго вашего войска, я с нетерпением ожидаю соединения вашего войска со мною, отчего единственно зависит ныне совершенное поражение и истребление неприятеля <...> именем армии и Отечества прошу идти как можно скорее на соединение с моими войсками» [1, с. 131]. Получил атаман и письмо начальника Главного штаба А. Ермолова, в котором были такие слова: «Если вы придете, дела наши не только поправятся, но примут совершенно выгодный вид. Спешите» [7, с. 346]. В тот же день все 15 иррегулярных полков корпуса М. Платова переправились у монастыря Ворколабово и взяли направление на с. Острова.

По пути следования атаманом были посланы сильные отряды казаков, которые обнаружили занятие сторожевыми постами противника всего правого берега Днепра. В Шклове, Копыси и Орше был также замечен неприятель в небольшом количестве. М. Платов отправил туда три отряда, действия которых имели успех, французы из перечисленных мест были выбиты.

15 июля М. Платов переправился у Дубровны и, получив приказ командующего 1-й армией следовать на соединение к Поречью,

двинулся на Любавичи, и 17 июля на марше установил связь с 1-й армией [1, с. 136].

А.П. Ермолов в своих «Записках» опубликовал письма М. Платова к нему, в которых атаман просил довести до сведения Главнокомандующего, что никак не мог быстро соединиться с 1-й армией и объяснял причины этого: «...Я получил повеление состоять под командою Багратиона, прикрывая 2-ю армию <...> ежедневно, если не формально битвою, то перепалкою, сохранил все обозы и всю дрянью тащашуюся, и армия покойно делала одни форсированные переходы до Бобруйска <...> а скажу только то, что с 16 июня по сие время без отдыха и всякий день форсированные марши, лошади в полках притупели, а многих раненых и усталых брошено. <...> Спасал ее (2-ю армию. – С.С.) 3 недели удачно, прошу Бога, чтобы благословил меня и другую защитить» [2, с. 161]. Военный министр, узнав о присоединении казачьего корпуса, писал атаману: «Долгом себя поставляю принести вашему превосходительству мою наичувствительнейшую благодарность за соединение ваше со мною в теперешнее необходимое время, в которое, я уверен, войска ваши покروют себя новой славой» и приказывал действовать совместно с арьергардом 1-й армии под командованием г.-м. П. Палена [1, с. 137]. Согласованные действия двух арьергардов обеспечили отход 1-й западной армии к Смоленску и соединение ее там 22 июля с армией П. Багратиона.

Таким образом, анализ источников и литературы позволяет утверждать, что атаман М. Платов действовал в соответствии с распоряжениями командующего, которому он был подчинен в данный период, и реальной обстановкой на театре военных действий. Одержанные кавалерийские победы корпуса убедительно подтверждают возможности иррегулярных войск в период отступления армий и военное искусство донского атамана М. Платова.

Литература

1. Донские казаки в 1812 году: сб. док. об участии донского казачества в Отечественной войне 1812 года. Ростов н/Д., 1954.
2. Ермолов А.П. Записки. Т. I. Приложения. М., 1865.
3. Иностранцев М.А. Отечественная война 1812 г. Операции 2-й Западной армии князя Багратиона от начала войны до Смоленска. Спб., 1914.
4. Отечественная война 1812 г.: материалы ВУА. Спб., 1909. Т. XII.
5. Отечественная война 1812 г.: материалы ВУА. Спб., 1911. Т. XVII.

6. Полное собрание законов Российской империи. Спб., 1830. Вып. 1. Т. 31. № 24480.

7. Пузанов В. Казаки в войне 1812 г. // 1812 год. № 9–10.

Actions of the corps of ataman M. Platov in June-July of the 1812

There are characterized the actions of the flying corps of ataman M. Platov in the first period of the war. On the basis of the sources there is proved that the actions of the ataman corresponded to the orders of the military command and the operational situation.

Key words: *army ataman, the Don regiments, irregular forces, advance guard, rearguard, the Cossack corps.*

200-летию
Отечественной войны 1812 г.
посвящается

Е.Г. ТИМОФЕЕВА
(Астрахань)

ИНОСТРАНЦЫ ПОД НАДЗОРОМ ПОЛИЦИИ В АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ в 1812 – 1814 гг.

Описывается положение иностранцев в российской провинции в 1812 – 1814 гг., рассматриваются правительственная политика, проводимая в этой сфере в период войны с наполеоновской Францией, отношение общества к иностранцам, находившимся под надзором полиции, в том числе военнопленным.

Ключевые слова: *Отечественная война 1812 г., Астраханская губерния, Астрахань, иностранцы под надзором полиции, военнопленные наполеоновской армии.*

Астраханская губерния в начале XIX в. занимала обширную территорию Прикаспийской низменности. Губернский город Астрахань был крупным административным, экономическим центром, с населением более 30 тыс. чел. Ежегодный торговый оборот города оценивался в 3,5 млн руб. Сюда стекались товары из Персии, Хивы, Бухары, здесь звучала разноязычная речь, бурлила коммерческая жизнь.

В полиэтничном пространстве Астрахани издавна были заметны «колонии» живших

здесь иностранцев и нерусских подданных Российской империи. В пограничном городе, да еще в условиях военного времени, за иностранцами-европейцами приглядывали особенно внимательно. «Секретные наблюдения» вели и за кочевавшими поблизости киргизкайсаками (казахами) Букеевской орды, «усугубили» и «меру надзора» за калмыками.

Условия военного времени заставили губернских властей усилить меры по сохранению порядка, обеспечению «тишины и спокойствия». Отдаленность Астрахани от театра военных действий, неопределенность информации, стремительное продвижение наполеоновской армии в глубь страны, оккупация русской земли вселяли в граждан страх, способствовали распространению (особенно со стороны «черни») тревожных слухов, которые могли иметь «заключение самое невыгодное для России». Чтобы не было паники, слухи пресекали, направляя «мысли и волю» жителей на общее благо. Астраханскому полицмейстеру Смагину предписывалось осуществлять «неусыпный» надзор за проживавшими и приезжавшими в город иностранцами, а городничим уездных городов Черного Яра, Енотаевска, Красного Яра – рапортовать о ситуации на местах, особенно в отношении подозрительных иностранцев, которых, впрочем, там не оказалось. Командиру Астраханского казачьего полка генерал-майору П.С. Попову следовало откомандировать в ведомство городской полиции 10 конных и 15 пеших казаков при двух благонадежных офицерах для совершения ночного объезда по городу. Астраханские казаки исправно несли кордонную службу, обеспечивали порядок в городе, позже сопровождали партии военнопленных до мест назначения [1].

По всей России к иностранцам приглядывались внимательно, а после распоряжения главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова (от 5 июля 1812 г.) приступили к их «разбору» на предмет лояльности и благонадежности. Всех подозрительных личностей высылали в назначенные города внутренних губерний. Астраханская губерния была одной из 15, где таких иностранцев должны были оставлять безвыездно. Напрасно Астраханский губернатор писал в Министерство полиции о нежелательности отправки сюда иностранцев: «...сей город наполнен разных наций азиатскими народами», имеющими «свои наклонности, разномнения и выгоды свои» [1. Д. 334. Л. 265 об.].